

Сознание Августа до сих пор застряло в момент, когда пудинг коснулся его языка. По всему телу разлилась странная тяжесть. Дело было не во вкусе — если честно, если бы этот паровой пудинг подавали как основное блюдо с маслом, он был бы даже неплох.

Но Август ожидал десерт!

Десерт!

Первое и главное его качество — он должен быть сладким!

Спасибо!

Из всех кухонь мира только британские повара способны на такое творчество.

Рафаэль сидел рядом, явно наслаждаясь зрелищем, и нарочно спросил:

— Ты что, никогда не пробовал? Паровой пудинг — обязательный десерт любого рождественского ужина.

Эти слова прозвучали как удар грома, разверзший память, погребённую под слоями лет. Август наконец вспомнил — этого «братца», то есть этот пудинг, он уже пробовал. Тогда его разум ещё не вполне проснулся, он был словно во сне, и, откусив первый кусочек, расплакался — губы дрожали, глаза наполнились слезами, было невыразимо горько. С тех пор паровой пудинг был навечно вычеркнут из его меню, и Август попросту забыл о нём как о праздничном блюде.

Мисс Мария, не выносящая, когда Рафаэль дразнит Августа, тут же вступилась:

— Ты же сам был там, когда он из-за пудинга рыдал! К чему ворошить старое?

Смутные воспоминания от этих слов проступили чётче.

Да, тогда Рафаэль тоже был там, как и мисс Мария, королева-мать, Черный Принц и мать Августа — Джоан Кентская, которая даже в тридцать лет оставалась первой красавицей Англии, окружённой толпами поклонников. Высокий уровень привлекательности Августа, превосходящий средний по королевской семье, был в основном заслугой генов матери.

У Джоан были каштановые волосы до пояса, глубокие, как омут, голубые глаза и гордый профиль. Её безупречная внешность и статность служили эталоном английской розы.

Август до сих пор помнил тепло её объятий, словно она всё ещё рядом.

До самой своей смерти Джоан редко отпускала сына с рук. Как и большинство знатных отпрысков, он редко касался земли, но если других носили слуги, то Августа неизменно держала на руках мать. Он был для неё самым изысканным аксессуаром, который она не забывала взять с собой никуда.

Вспомнилось то Рождество, когда всё семейство собралось в винном поместье — и праздновать, и отмечать день рождения Августа. Само поместье стало одним из его подарков.

Мать пригласила знаменитого итальянского художника, чтобы он запечатлел первый и единственный семейный портрет Августа. На фоне бескрайних виноградников и готических строений маленький Август в миниатюрной мантии стоял в центре, окружённый родными, и воздух, пропитанный винным ароматом, казался густым и сладким, будто каждый вдох был наполнен терпкостью фиалок.

— Это Ор? — раздался над головой Августа подростковый голос.

Черный Принц ответил грубовато:

— Ага, твой племянник. Нравится?

Джоан ободряюще улыбнулась и подвела Рафаэля, чтобы тот осторожно потрогал розовые щёчки Августа:

— Смотри, какой он милый, правда? Не бойся, он тебе понравится.

Юный Рафаэль уже тогда обладал чертами будущей неземной красоты, но взгляд его был неприветливым, а на губах не играла привычная теперь улыбка. Весь он был как ходячий кактус, оцетинившийся колючками против всего мира. Но в ту пору он был ещё искренен и даже не умел вежливо отказывать. Перед лицом ожидающей невестки он с огромным нежеланием взял маленького племянника на руки.

В конце концов Рафаэль даже усадил Августа на расстеленное у озера покрывало, и они оба... прилежно принялись за латынь.

— До чего же он был помешан на учёбе!

Лёгкий ветерок, взмах крыла лебедя, скользящего по водной глади, взмывающего ввысь и растворяющегося в синеве. Черноволосый юноша и золотоволосый малыш — картина невероятной нежности.

Но лишь один Август знал, что стоило матери отвернуться, как Рафаэль с отвращением поднял его, опасаясь, что на него потекут слюни.

Август был лёгок, как пёрышко. Он повис над озером, не ведая страха, и лишь беззаботно рассмеялся.

Спустя несколько лет они встретились вновь. К тому времени Джоан уже не было в живых, а третья жена Ричарда наконец подарила королевской семье наследника мужского пола. Вся страна ликовала, фейерверки не смолкали сутки напролёт. Лишь маленький глупыш Август всё ещё горевал о том, что мама больше не откроет глаз.

Шестнадцатилетний Рафаэль прибыл в Бристоль под дождём, дабы навестить осиротевшего племянника. Готические замки в ночи всегда выглядели зловеще, будто из теней вот-вот вырвется чудовище.

Чем больше и пустее был замок, тем более одиноким и беззащитным казался в нём Август.

Слишком уж это напоминало Рафаэлю его собственное детство, и, вызвав не самые приятные воспоминания, он стал ещё жёстче. Он смотрел на Августа сверху вниз и насмешливо спросил:

— Боишься, глупыш?

Август лишь уставился на него снизу вверх, ничего не понимая, и не мог вымолвить ни слова.

Он был не только глупышом, но, казалось, ещё и немым.

Рафаэль продолжал гнуть свою линию:

— Трон, который должен был принадлежать тебе, теперь принадлежит другому. Когда он вырастет, он будет тебя опасаться — вдруг ты захочешь отобрать своё по праву? Дядя твой тоже разлюбит — у него теперь свой сын есть. Знаешь, что такое зависть? На вкус она горька.

Увидев нарочито страшную гримасу Рафаэля, Август затопал прочь, но, заметив усмешку, говорившую «даже глупыш может завидовать», развернулся и побежал обратно.

На этот раз в его пухлой ладошке зажата была горсть леденцов.

— Сладко, — впервые прозвучал голосок мальчика, нежный и чистый. В голубых глазах его отражался лишь образ этого юноши. — Не плачь.

И тогда Август очнулся от воспоминаний.

Выходит, у них с Рафаэлем было такое прошлое. Теперь-то понятно, почему Рафаэль так к нему относится. Что ж, он и вправду был милым, даже будучи глупышом.

Рафаэль, сидя рядом, отбросил мысль спросить Августа, о чём он думает. По той глуповатой улыбке на его лице и так было ясно — мысли пустые.

Под двойным ударом пудинга и воспоминаний Август окончательно проснулся и наконец обрёл силы праздновать свой день рождения, который он делил с самим Иисусом.

Ричард II не поскупился на пышный приём для племянника, созвав весь цвет аристократии. И что бы кто ни думал про себя, в тот день все улыбались и поздравляли юного герцога с девятилетием. Тёплый зал был напоён фруктовыми ароматами, исходящими от многоярусных пирамид. На длинном столе через равные промежутки красовались яркие букеты, озарявшие радость сердца кавалеров и оттенявшие красоту дам.

Данное перед отъездом обещание рыцарям и оруженосцам Август сдержал с лихвой. Те, кто прежде сетовал, что не сможет блеснуть перед королём на охоте, теперь и думать забыли о своих словах.

Парфюмерные шлейфы, звон бокалов, всеобщее веселье.

— Всё это — лишь для тебя, — произнёс черноволосый юноша, приближаясь с золотым ажурным кубком в руке. На лице его играла вежливая, но отстранённая улыбка, холодная, как кровь серебряной лисы, притаившейся в снегах. Он казался доступным, но ни у кого не возникало и тени непочтительности.

<http://bllate.org/book/15929/1423926>